

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**
Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН)
690001, Приморский край,
г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89
Тел./факс: 8 (423) 222-05-07, 226-82-11
E-mail director@ihaefe.ru
ОКПО 02698234 ОГРН 1032501282890
ИНН/КПП 2536036203/253601001
02.05.2023 № 16170/158
На № _____ от _____

«УТВЕРЖДАЮ»
Директор
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока Дальневосточного
отделения
Российской академии наук
академик РАН,
д.и.н., профессор

Н.Н. Крадин

2 мая 2023 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук
о диссертационном исследовании

Цзюй Куньи «“Харбинский текст” несказочной (исторической) прозы первой половины XX в.: прагматика, семантика, жанрово-тематическое своеобразие», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.4 – Фольклористика

Диссертация Цзюй Куньи «“Харбинский текст” несказочной (исторической) прозы первой половины XX в.: прагматика, семантика, жанрово-тематическое своеобразие» посвящена анализу функционирования русского языка и русской культуры за пределами отечества. В ситуации активных миграционных процессов и всё расширяющихся межкультурных коммуникаций **актуальность** такой постановки проблемы не вызывает сомнений. Как справедливо отмечает автор, городской фольклор харбинских

жителей как специфический пласт народной культуры и духовного наследия «становится основой сохранения их этнокультурной самобытности...» (С. 5). Поскольку значительная часть русских харбинцев после 1945 г. покинула Северо-Восточный Китай, их потомки ныне проживают в Австралии, Новой Зеландии, США, в ряде европейских стран, такая постановка проблемы не утратила актуальности и в наши дни.

Научная новизна диссертационного исследования изложена в 12 пунктах. В числе наиболее значимых надо отметить использование полевых материалов, собранных в том числе диссертанткой, и введение в научный оборот публикаций китайских авторов. Весьма важным видится п. 4, связанный с выявлением «специфики несказочной (исторической) прозы как части городского фольклора Харбина первой половины XX в. с точки зрения ее генезиса, бытования и изучения» (С. 15). При этом отметим, что источники, которые вводит в научный оборот и о которых говорит в разделе Цзюй Куньи, диссертанткой не охарактеризованы. Неясно, какое именно количество рассказов-меморатов и рассказов-фабулатов было проанализировано при работе над диссертационным исследованием. Сложность вычленения отдельных текстов очевидна, но достаточная квалификация Цзюй Куньи позволяла это сделать.

Цель данного исследования – «комплексное изучение несказочной (исторической) прозы жителей Харбина с жанровой, образно-тематической, семантико-прагматической, этнокультурной, этнорелигиозной точек зрения её функционирования в «харбинском тексте» русской культуры» (С. 13–14). В соответствии с заявленной целью диссертантом сформулировано 12 задач, которые решаются в ходе исследования, хотя подобная дробность, на наш взгляд, представляется излишней. Вместе с тем такая детализация задач свидетельствует о глубоком погружении автора в материал. О том же говорят и положения, выносимые на защиту. Среди них особого внимания заслуживают тезисы о базовых константах (№ 2: «фронтирность» и «мифологичность») и доминантных точках несказочной прозы (№ 4:

семейные мемораты, рассказы о религиозной жизни, праздничной культуре, взаимовосприятии русских и китайских жителей города). Следует также отметить тезис о вторичном характере китайского «харбинского текста» устной истории города (№ 11).

Надо сказать, что Цзюй Куньи в необходимой степени овладела научным инструментарием, опираясь на работы ведущих специалистов в области гуманитарного знания. В историографическом обзоре находим имена учёных, чьи исследования составляют золотой фонд отечественной гуманитаристики, среди них Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Э.В. Померанцева, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, Н.И. Толстой, К.В. Чистов и др. При выявлении семантических и прагматических аспектов исторической прозы Цзюй Куньи использовала теоретические подходы, предложенные Е.Л. Тихоновой. Автору известны новейшие публикации, посвящённые специфике городского фольклора. Для сбора и анализа устных рассказов автором использована методика, представленная в трудах В.Л. Кляуса, А.П. Забияко, А.А. Забияко, Чжан Жуяна. Однако, к сожалению, в поле зрения Цзюй Куньи попала лишь одна работа такого видного специалиста в области сказочной прозы, как Н.А. Криничная (Криничная Н.А. Русская мифология. Властители мироздания (былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями). М., 2018). Разрабатывавшаяся ею проблематика в ретроспективном плане непосредственно связана с направлением исследований диссертанта: см. монографию Н.А. Криничной «Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры». Л., 1987.

Особое подразделение библиографического обзора составляют публикации, посвящённые истории и культуре «русского Харбина», но в этом разделе (как и в общем списке литературы) отсутствует фундаментальная монография Е.О. Кирилловой («Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов)». Владивосток, 2015. –

276 с.), нет публикаций известной в России и за рубежом Ю.В. Аргудяевой, ряда других авторов (С.И. Якимовой, Е.Е. Жариковой и т.д.).

Вместе с тем необходимо отметить несомненные достоинства библиографического раздела в плане привлечения трудов, изданных на китайском языке. Диссертант подчёркивает существенную разницу в теоретическом осмыслении жанров несказочной (исторической) прозы учёными из России и США, принимая позицию российских фольклористов, хотя большинство учёных из КНР отдают предпочтение американским концепциям. Установку на достоверность в качестве «водораздела» между сказочным эпосом и несказочной прозой автор трактует не буквально, но с учётом специфики устного творчества.

Такой подход позволяет избежать ошибочного восприятия рассматриваемых текстов как объективно соответствующих реальной действительности, тогда как на самом деле они являются продуктом индивидуального сознания нарраторов. Оценивая несказочную прозу с этих позиций, автор приходит к выводу: «Высокая степень субъективности материалов, полученных в результате интервьюирования харбинцев разных этнических, социальных, политических групп, придаёт устным сюжетам “харбинского текста” особый художественный, этнокультурный, этносоциальный, этнорелигиозный колорит» (С. 56).

Естественно, что Цзюй Куньи опирается на теоретические положения научного руководителя – доктора филологических наук А.А. Забияко и активно использует материалы своих коллег по этнографическим экспедициям, но личным вкладом диссертанта в разработку концепции «харбинского текста» (на основе исторической прозы) является введение в научный оборот трудов китайских учёных и собственных полевых материалов, полученных от информантов-китайцев в 2015–2022 гг. Успешно решить поставленные задачи автору удалось благодаря обширной источниковой базе, куда вошли как устные рассказы, так и литературные тексты эмигрантов, а также их потомков.

Теоретико-методологическая основа работы и методологический аппарат диссертации позволили достичь заявленной диссертантом цели и решить поставленные задачи, связанные с комплексным изучением несказочной (исторической) прозы жителей Харбина с жанровой, образно-тематической, семантико-прагматической, этнокультурной, этнорелигиозной точек зрения её функционирования в «харбинском тексте» русской культуры.

Цзюй Куньи, *характеризуя теоретическую и практическую значимость работы*, отмечает, что она «заключается в определении понятия "харбинский текст" русской культуры, обозначении типологических закономерностей продуцирования русского и китайского вариантов несказочной (исторической) прозы городского фольклора как части "харбинского текста"» (С. 16). Если вторая часть представляется убедительной, то первая, где речь идёт об «определении понятия "харбинский текст" русской культуры», очевидно шире темы исследования и нуждается в уточнении.

Практическая значимость осмысляется Цзюй Куньи с позиции сохранения харбинских артефактов «в архивах и музеях в качестве аудиовизуальных и текстовых источников, дополняющих официальные рассказы о происходивших исторических событиях с точки зрения обычных людей» (С. 16–17), их ценность воспринимается диссертанткой преимущественно в рамках налаживания межэтнических коммуникаций. К этому следовало добавить традиционную для российской науки востребованность результатов исследования в преподавании вузовских дисциплин или научной деятельности.

Структура работы соответствует авторскому видению проблемы и поставленным задачам. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, насчитывающего 451 наименование, и приложения, в котором представлены фотографии информантов.

Предмет исследования (историческая проза), рассматривается как вербальная часть «харбинского текста» русской культуры, причём важная

часть, в значительной степени определяющая духовную составляющую культуры восточной ветви российской эмиграции. С этих позиций Цзюй Куньи обращается к определению общего понятия «городской текст», на основе которого формирует своё видение «харбинского текста» (Гл. 1. Несказочная (историческая) проза как вербальная часть «харбинского текста» русской культуры). Здесь концептуально значимым автор называет прежде всего фактор «порубежья» (фронттира), которому придаётся не только территориальный, но и темпоральный смысл (С. 27–28). Применительно к исторической прозе не менее важной представляется выявленная диссертантом «ремифологическая парадигма сознания основателей и жителей города» (С. 27).

Цзюй Куньи убедительно показывает, что «харбинский миф» создавался не одномоментно, а в три этапа: 1) в эпоху становления города; 2) в художественной практике писателей-эмигрантов 1920–1940-х гг.; 3) в письменных мемуарах и устных нарративах, создававшихся после 1945 г. (С. 30). Каждый из этапов русской истории города «вносил в “харбинский текст” свои новые коннотации» (С. 34), однако при этом русский язык, русская культура и Православная вера оставались доминантами культурной жизни Харбина. Все три отмеченные выше позиции в дальнейшем получили освещение во 2-й и 3-й главах диссертации. Особого внимания заслуживает пункт 3, свидетельствующий о продуктивности сюжетов об «утраченной родине», получивших новое осмысление после 1945 года: «статус» утраченной родины от России перешёл к Харбину.

С точки зрения живой устной традиции, для которой важным условием является «бытование», нарративы харбинцев, записанные по просьбе собирателей, вторичны как фольклорный материал. Это хорошо понимает автор диссертации, сетуя на то, что «осознание ценности устного слова о Харбине пришло к исследователям довольно поздно – именно тогда, когда живые носители этого знания стали уходить из жизни и пришло понимание ценности того периода харбинской жизни и для истории России,

и для истории Китая» (С. 42). Тем ценнее те материалы, которые удалось собрать в начале XXI столетия. Именно они позволяют воссоздать полноценную картину харбинской повседневности первой половины XX в., для чего недостаточно мемуаров культурной элиты.

Обращаясь к теоретическому осмыслению устной (исторической) прозы харбинцев (1.3), автор выделяет два основных пласта – рассказы-мемораты и рассказы-фабулаты, справедливо отмечает маргинальный характер большинства нарративов и связанные с этим трудности их жанровой дифференциации (С. 59, 62–65). Однако эти проблемы важны для учёных, но не для нарраторов. Для них гораздо важнее достоверность повествования и его предназначение. Изучение прагматики и семантики несказочной прозы позволило автору установить, что большинство рассказчиков осознают свою «мессианскую задачу» – «зафиксировать и сохранить историю Харбина в её первоизданном виде для потомков, живущих в России и других странах» (С. 62).

Антропологический аспект изучения несказочной (исторической) прозы Харбина представлен судьбами информантов, среди которых как русские, так и потомки от смешанных браков, а также этнические китайцы (1.4). Автором сделаны важные наблюдения относительно устных рассказов, собранных у потомков от смешанных русско-китайских браков и у этнических китайцев (С. 54–55).

При рассмотрении тематико-сюжетного репертуара устных рассказов-меморатов (Глава 2) Цзюй Куньи справедливо ставит на первое место историю «исхода из родных мест» (2.1.1), за которой следует обустройство повседневной жизни иммигрантов на новой родине (2.1.2). Необходимо отметить важное наблюдение автора относительно типологической близости русских и китайских сюжетов о миграции семей на Северо-Восток Китая из родных мест. Диссертант полагает, что в историях, связанных с исходом, обнаруживается архетипическая идея космогонического «начала начал», поскольку в обеих традициях речь идёт «о рождении Харбина из пустоты и

хаоса социальных событий» (С. 94–95). Отсюда «городоцентричность» многих местных нарративов. Из подробностей повседневной жизни многонационального города выделены проблемы, связанные с практикой школьного обучения в разных политических условиях: программы дореволюционной России, советские, периода японской оккупации (2.2). Отдельный параграф посвящён религиозному и праздничному быту жителей зоны КВЖД. На китайской территории российский анклав был представлен разными национальностями: здесь проживали не только русские, но и украинцы, поляки, евреи, татары, грузины и др. При этом подчёркивается особая роль православного календаря в организации обрядово-праздничной жизни харбинцев (2.3). Взаимоотношениям русских, китайских, японских жителей города посвящён последний параграф главы 2 (2.4). В этом разделе русские и китайцы показаны как оппозиция японским завоевателям. Многие рассказы повествуют о поддержке и взаимопомощи в среде «коренных харбинцев», к которым относятся и выходцы из России. Жизнь в Маньчжурии до японской оккупации представлена как «золотой век» истории Харбина.

Тематико-сюжетное своеобразие рассказов-фабулатов рассматривается в главе 3. В разделе 3.1. анализируются сюжеты, посвящённые образу одного из самых популярных в России святых – Николая Чудотворца. Автор представляет этот образ как мифологему Харбина, в связи с чем заостряет внимание на истории возведения и функционирования Свято-Николаевского Собора, который является «харбинской архитектурной и религиозной мифологемой» и одновременно – «символом самой России» в дальневосточном русском зарубежье (С. 157). По верному наблюдению диссертанта, «празднование “никольских дней” представлялось маньчжурским изгнанникам одним из способов подтвердить свою этничность» (С. 159). Установленная в храме икона Святителя Николая Мирликийского стала объектом почитания жителей Харбина.

Не менее значимым для харбинцев являлся лик Николая Угодника в здании железнодорожного вокзала. Примечательно, что с просьбами о защите и помощи к нему постоянно обращались и китайцы. Исследователи из КНР полагают, что в сознании китайцев образ «Старика с вокзала» совпал с мифологемой Лао-Цзы – «Старый мудрец» и, возможно, с общекитайским образом Духа земли, имеющего облик старца с седыми волосами и бородой (С. 162–163). На правомерность такого предположения указывает и религиозный опыт бурят. «Белый старец» – хранитель жизни и долголетия у монголов, божество благоденствия в буддийском пантеоне – в сознании бурят совместился с образом Николая Угодника (Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика. М., 2002).

Цзюй Куньи приводит популярные рассказы о благодетельном участии Святителя в судьбах харбинцев, причём не только русских. К числу наиболее распространённых относится фабулат о спасении тонувшего китайца. Заслуживает внимания факт, что рассказ активно бытовал среди русского населения города. Общим местом этих нарративов является обращение тонущего к Николаю Угоднику: «Старик с вокзала, помоги!» (С.165–166).

О продуктивности сюжетов, связанных с деяниями Николая Чудотворца, свидетельствуют тексты, созданные после 1945 г. Раньше других появились рассказы о том, что благодаря покровительству Святителя Харбин практически не пострадал при освобождении советскими войсками. В соответствии с народными представлениями возникали рассказы о наказании святотатцев, например, хунвэйбинов, уничтоживших Свято-Николаевский собор и Иверскую часовню при нём (с. 170). Сравнительно поздно был создан этиологический фабулат, в котором написание образа Николая Чудотворца для харбинского собора приписывается самородку-иконописцу из Иркутска Никите Иконникову, жившему на самом деле в XVII веке (С. 164). Таким образом, художественное мышление потомков бывших харбинцев дополнило новыми сюжетами исторические реалии русской Маньчжурии.

Знакомство с диссертацией позволяет увидеть долговременную перспективу для изучения «харбинского текста» с точки зрения его китайской составляющей. С этих позиций заслуживает внимания материал раздела 3.2 («Сюжет о “харбинском дедушке”: китайская модель трансформации мемората в фабулат в “харбинском тексте” несказочной прозы»). Рассказ информанта автор определяет как «семейный меморат с элементами предания» (С. 177). Сюжет о не востребовавшем и обесценившемся кладе получает развитие на фоне информации о жизни Харбина в первой половине XX в. Представляет интерес авторское сопоставление русской и китайской «социальных мифологем»: с одной стороны – утверждение об отсутствии в Харбине существенных социальных различий, с другой – противопоставление богатства русских бедности китайцев (С. 178). Спустя 3 года информант «отредактировал» первоначальный текст, увязав, по словам собирателя, «события семейной истории с парадигмой новой социальной мифологии, принятой в качестве мифологемы на Северо-Востоке в последние годы» (С. 179). В результате устный рассказ превратился в многосюжетное легендарное повествование, воплотившее «все присущие фронтальному мышлению китайских харбинцев мифологемы» (С. 185), где использованы «этнически закреплённые матричные тексты» – переход в Гуаньдун, русское присутствие в Маньчжурии, мифологизация исторических личностей (С. 186). Китайский вариант устной прозы потомков харбинцев даёт дополнительную информацию для осмысления путей трансформации вербального «харбинского текста» в новых исторических условиях.

Каждый параграф заканчивается выводами. В заключении Цзюй Куньи подводит итоги и формулирует основные результаты диссертационного исследования.

В целом высоко оценивая диссертационное исследование Цзюй Куньи, следует указать на имеющиеся недостатки. Самым существенным упущением автора является недостаточно проработанные связи харбинских нарративов с общерусскими фольклорными традициями. При чтении диссертации создаётся впечатление, что харбинские нарративы вырастают

исключительно из географической, исторической, культурной специфики зоны КВЖД, тогда как они, подобно любому явлению устного творчества, имеют в своей основе давние и прочные традиции исторической родины, подвергшиеся вторичной сакрализации после её утраты. В данном случае речь идёт не о самозарождении, но о модификации традиций, обусловленной их перенесением на новое место.

Ссылаясь на А.А. Забияко, Цзюй Куньи пишет, что ремифологическая подоплёка семантики и прагматики «харбинского текста» близка модели «буржуазного мифа» о городе равных возможностей (С. 32). Однако, как известно, поиск земли обетованной вообще присущ народному сознанию и является мотивом многих социально-утопических легенд, в том числе русских (Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967).

То же самое надо сказать о легендарных рассказах, связанных с именем Николая Угодника. На Руси почитание Чудотворца было распространено повсеместно, количество посвящённых ему икон и храмов было самым большим после Богородицы. В дореволюционной России не было ни одного города без Никольского храма. Он считался покровителем многих русских городов. В частности, с 1914 г. Святой Николай официально считался покровителем Новониколаевска (ныне – г. Новосибирск).

Следует отметить отдельные недоработки в оформлении основного текста и справочного аппарата. В ряде случаев наблюдается несоответствие имени цитируемого автора и описания сноски. Например, упоминание С.Ю. Неклюдова заканчивается ссылкой на работу И.Д. Никифоровой (С. 44), упоминание А.А. Забияко приводится со ссылкой на монографию В.Н. Топорова (с. 31). Ряд взятых в кавычки цитат сопровождается отсылкой не к конкретной странице, а к работе в целом: см. с. 44 – статья И.Д. Никифоровой, с. 68 – автореферат докторской диссертации Е.Л. Тихоновой.

Высказанные замечания не умаляют научной и практической значимости осуществлённого исследования, которое проведено на достаточно высоком профессиональном уровне и имеет хорошую перспективу на будущее.

Заключение о соответствии диссертационной работы установленным требованиям. Можно констатировать научную значимость и новаторский характер диссертационного исследования Цзюй Куньи основные положения которого, выносимые на защиту, получили всестороннюю разработку в соответствующих главах, а выводы – последовательное логическое изложение.

Диссертационная работа выдержана в научном стиле, в ней использован конкретный фольклорный материал. Автореферат диссертации содержит всю необходимую информацию, характеризующую полученные в процессе исследования результаты, основные положения и выводы диссертации. Автореферат и публикации соискателя отражают содержание, основные идеи и результаты работы. Результаты исследования, отражённые в 17 публикациях автора (из них четыре опубликованы в изданиях, включенных в Перечень научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ; 13 работ написаны в соавторстве).

Результаты диссертационного исследования обсуждались на международных, межрегиональных, национальных научно-практических конференциях и семинарах (2018–2022 гг.).

Таким образом, диссертационное исследование Цзюй Куньи «“Харбинский текст” несказочной (исторической) прозы первой половины XX в.: прагматика, семантика, жанрово-тематическое своеобразие» соответствует требованиям Положения о присуждении учёных степеней, утверждённым Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 №842 и предъявляемым к кандидатским диссертациям, в том числе 9-14 Положения о порядке присуждения учёных степеней, а её автор Цзюй Куньи заслуживает присуждения ей искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.4 – Фольклористика.

Отзыв составлен доктором филологических наук, главным научным сотрудником центра истории культуры и межкультурных коммуникаций, заведующей центром истории культуры и межкультурных коммуникаций

ИИАЭ ДВО РАН Краюшкиной Татьяной Владимировной, специальность 10.01.09 – Фольклористика (kvtbp@yandex.ru), кандидатом филологических наук, ведущим научным сотрудником центра истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН Фетисовой Лидией Евгеньевной, специальность 10.01.09 – Фольклористика (fetisova.lidie@yandex.ru). Отзыв обсуждён и утверждён на заседании центра истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН от 2 мая 2023 г., протокол заседания №45. Решение принято единогласно.

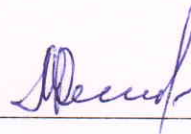
Главный научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор филологических наук

Краюшкина Татьяна Владимировна

Ведущий научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, кандидат филологических наук

Фетисова Лидия Евгеньевна

Сведения о ведущей организации:

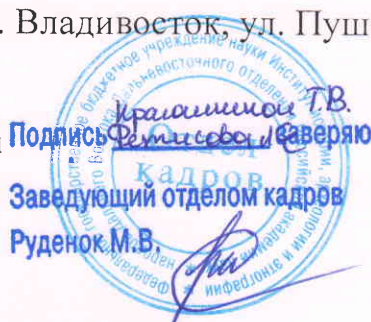
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук

690001, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

Тел. 8 (423) 222-05-07

e-mail: ihae@eastnet.febras.ru

сайт: <http://ihaefe.org/>

02.05.2023г.